

みんなくりポジトリ

国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

ТУВИНЦЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: Современная идентичность

メタデータ	言語: rus 出版者: 公開日: 2011-01-28 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: М. В., Монгуш メールアドレス: 所属:
URL	https://doi.org/10.15021/00001051

позицию по отношению к другим конфессиям. Так более половины (54,71%) опрошенных заявили, что «не имеет значения, к какой религии принадлежит человек, если он соблюдает нравственные заповеди» (Хомушку 2000:4).

4. Современная идентичность

В предыдущих разделах мы коснулись многих вопросов, так или иначе связанных с этническими и этнокультурными процессами, происходившими в Туве в разные периоды ее истории. Мы постарались получить ответы на наиболее важные из них. Например, как происходят контакты тувинцев с представителями других народов, в частности с русскими? Насколько они глубоки? Каковы тенденции развития тувинско-русского билингвизма в современной Туве? Как осуществляется взаимодействие между различными конфессиональными традициями в республике? Воспринимаются ли в целом отношения с тувинцами как конфликтные?

В настоящем разделе мы продолжим рассмотрение этнических и этнокультурных процессов, происходящих у современных тувинцев, через призму формирования у них разных форм идентичности. В связи с этим попытаемся, во-первых, выявить характерные особенности восприятия респондентами самих себя как тувинцев, во-вторых, проанализировать значимые отличия тувинцев от их иноокружения. В первом случае речь идет об исследовании спектра различных идентичностей внутри этнических групп и о выяснении процессов конструирования объединяющих идентичностей; во втором – акцент ставится на изучении механизмов отграничения тувинцев как целого от остального населения Российской Федерации.

Одной из востребованных идентичностей в постсоветской Туве оказалась родовая идентичность, что не случайно, поскольку роль родственных отношений в прошлом у тувинцев носила абсолютный характер, социальные взаимодействия у них всегда основывались на родстве. Таковыми они продолжают оставаться и сегодня, хотя государство со своими функциями значительно потеснило их. Поселения тувинцев обычно основываются так, чтобы сохранить «паутину родства», а общая ориентация личности, действующая внутри социальной структуры, дает возможность сохраняться системе социальных отношений, несмотря на рассеивающую природу расселения (Rubel 1967:240).

При советской власти подчеркивание связей со своим родом воспринималось как «местечковость», «узколобый патриотизм»; подобные проявления пресекались партийными органами. Но от этого родовое

деление, родовая идентичность не теряли своей значимости, их роль в социальном контексте всегда оставалась существенной: по родам формировалось селение, каждый род в прошлом имел свое знамя, буддийский храм, оваа. Родство было патрилинейным и выражалось в разных терминах: *соок, торел, аймак*. Роды объединялись в общность следующего таксономического уровня, которая не имела жесткой терминологической определенности – *улус, чон* (народ, люди) – и соответствовала одному из значений греческого *этнос* – племя (Скрынникова 2003:125).

Кочевое наследие и традиционная родоплеменная структура общества так или иначе ставят тувинцев перед необходимостью делиться между собой. Они до сих пор определяют себя по административному признаку – тес-хемские, улуг-хемские, пий-хемские, барун-хемчикские, дзун-хемчикские, монгун-тайгинские, сут-хольские, чаа-хольские, бай-тайгинские, эрзинские, тоджинские, овюрские и т.д.

На устойчивость родовой идентичности прежде всего указывает то, что каждый человек воспринимается как член конкретного рода, носитель его типичных черт, коллективных установок и ценностей. Род обозначается определенными символами-маркерами – это родовая территория, включающая в себя родовые селения, охотничьи и пастбищные угодья, священные горы, реки, источники, деревья и духов-покровителей, оберегающих ее, а также это родовые шаманы, *танма* – родовые знаки собственности на скот, знаки-печати представителей власти (Курбатский 2001:191-192).

Хотя вражды между тувинскими родами никогда не было, тем не менее соперничество между ними присутствовало всегда. Народный фольклор содержит немало песен и частушек, в которых в шуточной или бранной форме дается характеристика тому или иному роду. Она подчас бывает нелицеприятной, иногда напоминает «дразнилки», но может быть и совершенно безобидной. Цель ее - не только противопоставить один род другому, но и подчеркнуть наиболее характерную черту конкретного рода. Например, *донгаки* считаются чрезмерно гордыми, *монгуши* независимыми и кичливыми, *ондары* грубыми и колкими, *саая* жадными и ненасытными, *хертеки* невезучими, *ховалыги* клеветниками, *хомушку* сплетниками, *салчаки* черствыми. Иногда в характеристиках присутствуют элементы иронии: мужчины-*ондары* «не успокоятся, пока двумя женами не обзаведутся», у *сарыгларов* «глаза падки на сало», т.е. знают, что красть, *хомушку* своими сплетнями отравят жизнь кому угодно, рядом с *ховалыгами* жить невозможно, потому что изведут клеветой любого, «у дочерей *монгушей* голоса сильные», а их сыновья «круглые да черные»,

тюлюши волосатые-преволосатые, рыжие-прерыжие, среди дочерей *донгаков* не найти ни одной умной и верной и т.д. Передаваясь из уст в уста, эти характеристики часто становились устойчивыми стереотипами, отделяющими один род от другого (там же:193-194).

В 1990-е годы активизировалась идея принадлежности к знатному роду, под которым подразумевался не только княжеский, т.е. ноянский, но и шаманский и ламский род. Многие стали называть себя прямыми потомками известного нояна, шамана или ламы, но только единицы из них имели на то генеалогические право.

Новым явлением стало восстановление родовых храмов и оваа. Среди уже существующих хурэ в Туве есть такие, которые строились на средства и силами членов одной кровно-родственной группы. Например, храм Ташипанделинг в Кызыле был построен в 1998 г. родственниками Мергена Кускелмаа, который является камбы-ламой этого монастыря. В этом же году в сумоне О-Шынаа Тес-Хемского кожууна на месте ранее разрушенного Шалык хурэ был возведен небольшой трехэтажный храм с одноименным названием. Он был построен по инициативе местного жителя Шалык-оола Шомбула, который приходится сыном последнему камбы-ламе этого хурэ Ивану Шомбулу, репрессированному в свое время за религиозные убеждения.

Востребованными оказались традиционные нормы и представления тувинцев, связанные с родовой взаимопомощью. Сложности переходного периода, резкое снижение общего жизненного уровня, безденежье, длившееся годами из-за невыплат заработной платы, обязывало людей, состоящих даже в дальнем родстве, помогать друг другу, делиться тем, что имеешь, со всеми поровну. В этом проявлялось не столько коллективное начало, сколько чувство принадлежности к общине. При приоритете общинных ценностей индивидуальный успех не только осуждается, но и не допускается, поскольку община должна улучшать свое положение целиком и сообща.

Родовая идентичность стала активно проявляться и в деловой сфере. Если раньше родственные отношения в коллективе не поощрялись, то в постперестроечное время возобладал принцип «родня родне должна помогать». Не секрет, что первые частные предприятия в Туве основывались по признаку родства, клановости. Казалось, что от родственника, состоящего в подчинении, можно ожидать преданности, верности, надежности, но на деле все оказалось не так просто. Настоящий серьезный бизнес требовал многого: квалификации, смекалки, опыта, интуиции, ответственности, честности. А люди, привыкшие до этого жить на иждивении у государства, не всегда обладали этими качествами,

поэтому из-за безответственности и безалаберности они часто подводили своего шефа-родственника. Один предприниматель, открывший частный магазин, сетовал, что из-за «феодалного менталитета» родственников, работавших у него, он потерял много денег. Тем не менее, как ни странно, когда речь идет о частном бизнесе, многие предпочитают взять на работу родственника, нежели человека со стороны, чужака. Им кажется, что из двух зол следует выбирать меньшее и «своя рубашка ближе к телу». И переубедить тувинцев в этом очень трудно.

Родовое деление заметно актуализируется и во время политических выборов, так как каждый претендент на ту или иную государственную должность пытается поставить себе на службу родовую идентичность. В период советской власти все ключевые посты в Туве принадлежали выходцам из Эрзинского и Тес-Хемского кожуунов; в большинстве своем это были представители родов *чооду*, *соян* и *кыргызс*. В постсоветское время власть перешла к *ооржакам*, их родовой территорией является Барун-Хемчикский кожуун.

Наряду с родовой идентичностью отмечается еще несколько уровней идентичности: этнический, когда тувинцы осознают себя тувинцами, региональный, когда они называют себя *сибиряками*, континентальный, когда они считают себя *азиатами*, и глобальный, когда они воспринимают себя как часть человечества.

Если в советское время этническое перемещалось из сферы материальной в духовную, сферу сознания, то после распада СССР оно сдвинулось из сферы культуры и психологии в сферу политики. Индикатором этого перемещения стало возрастание роли этнического фактора в политической жизни, в том числе в законотворческой деятельности Государственной Думы РФ. Двигателем этого перемещения как в Центре, так и в регионах стали часть творческой интеллигенции, искренне озабоченная судьбами и состоянием национальных культур и языков, часть партноменклатуры, переметнувшаяся от идеологии коммунизма к технологии национализма, часть представителей теневой экономики. К ним примкнули и профессионально не состоявшиеся в своей области специалисты, очевидно, решившие взять таким образом реванш.

Так, в Туве, как и в любом другом регионе Российской Федерации, появились свои демократы и националисты. Первые объявили себя монополистами на проведение реформ и на личное обогащение, вторым досталась монополия на формирование и конструирование этничности и на руководство этнической мобилизацией (Губогло 2003:199).

Надо заметить, что коренные народы Сибири, в том числе и тувинцы,

испытали на себе удары реформаторской деятельности Центра и трудности перехода к демократии и рыночной экономике. Вместе с утратой Советским Союзом самого себя, а советскими людьми (каковыми считались и тувинцы) своей общей и частной гражданской (государственной) принадлежности, рухнула и советская идентичность. Взамен отвергнутой «советскости» ничего не было предложено. Каждый народ был вынужден «выживать сам по себе». В этих условиях именно этнический фактор сыграл решающую роль.

Взрыв этничности стал своего рода формой заполнения идеологического вакуума доступными и понятными формулами и призывами, когда после краха основ организации общественной жизни обращение к этнической принадлежности стало наиболее доступным и понятным средством новой солидарности и достижения коллективных целей в условиях глубоких трансформаций (Гишков 2001:162).

В новых исторических условиях в определение «этническая идентичность» вкладывалось не только понятие принадлежности, отождествления, но и понимание ее как формы социальной организации культурных отличий, как границ, как мобилизующего фактора. Были активно мобилизованы механизмы этнического, в частности, резко возрос уровень этнического самосознания. Оно оказалось многослойным: в нем в полной мере присутствовали «матричные», архаические, трудноискоренимые черты – страх перед другим, чужим, инаковым, стремление к доминированию над ним, притязания на достижение максимально благоприятных условий для собственного существования, импульс к борьбе за эти условия и т.п. Именно на этом фоне происходило некоторое обострение межэтнических отношений в Туве, которое, к счастью, продолжалось недолго. Однако процессу этнической мобилизации эти столкновения придали силу, решительность и целенаправленность.

Этническая мобилизация тувинцев, пережившая пиковые взлеты и экстремальные ситуации на рубеже 1980-90-х годов, имела важнейшей составной частью расширение социально-генетической памяти народа за счет удревнения его истории. Подобные тенденции в то время были характерны почти для всех национальных образований бывшего Союза. Многие национальные лидеры старались пропагандировать те версии этногенеза тувинцев, которые утверждали древнее происхождение народа и его причастность к великим историческим свершениям. Попытки удревнить историю своего народа, присвоить ему как можно больше культурных завоеваний, золотых эпох, научных достижений и известных имен имели свои плоды, порою неожиданные.

Отмечалось одновременное функционирование наряду с таксоном

тувинцы и иного, более древнего – *тюрки*, подчеркивающего, с одной стороны, общность тувинцев с другими народами тюркского происхождения, с другой – их этногенетическое отличие от монголов.

Территорию современной Тувы в литературе называли «родиной голубых тюрков», на что имелись исторические причины: у истоков Енисея когда-то возник Великий Тюркский каганат; тувинский язык относился к южносибирской подгруппе тюркских языков (НРЭ 2003:956).

Развивая тюркскую тематику, сторонники «национального возрождения» отнесли время обретения письменности на несколько веков глубже, по сравнению с реальным временем официального введения тувинского алфавита. В частности, на основе орхоно-енисейской письменности, восходящей к тюркскому периоду, они сделали вывод о наличии «древней письменности у тувинцев».

После смены господствовавшей идеологической парадигмы новой главной исторической фигурой для монголов, равно как и для калмыков, бурят, тувинцев стал Чингисхан, имя которого в советские времена встречалось только в исторических трудах и на страницах произведений художественной литературы. В официальных кругах упоминать имя монгольского полководца было не принято, публичные празднования его юбилея были запрещены даже в самой Монголии. Однако после наступления периода гласности многие представления менялись катастрофически быстро: образ Чингисхана, покорившего полмира и Русь в том числе, стал восприниматься самими русскими весьма положительно, изменились представления о мыслимых размерах его жестокости, а политика монгольского полководца уже не казалась столь чудовищной. Роль Чингисхана в истории человечества стала трактоваться по-новому: он подарил кочевникам-монголам новую идеологию – пафос людей большой воли, образ жизни воинов, презирующих обывательскую трусость, бездеятельность, предательство и оседлый образ жизни с его худосочным мещанским патриотизмом. Он собрал всадников смерти в идеально организованную армию с жесткой субординацией, великолепной системой внутренней пропаганды и стратегией покорения мира, создав в итоге силу, влиявшую на развитие значительной части Азии и Европы в течение трех веков» (Гучинова 2003:20-21).

Для тувинцев осознание причастности их предков к монгольским завоеваниям стало источником определенной национальной гордости и самоутверждения. В середине 1980-х годов на сцене Тувинского драматического театра шла пьеса Чылгычы Ондара «Кровавые следы». Сюжетная линия пьесы выстраивалась вокруг мысли: «Если бы не было такого гениального тувинского полководца, как Субедэй (тув. Субудай),

вряд ли бы Чингисхану удалось стать великим завоевателем, изменившими мир»

Промонгольские настроения подогревались также выходом ряда художественных и документальных фильмов о Чингисхане, снятых кинематографистами разных стран. Каждый из них предлагал свою трактовку образа этой исторической личности. Самыми первыми фильм о Чингисхане с одноименным названием сняли американцы в 1965 году. Главную роль в фильме исполнил известный в то время голливудский актер Омар Шериф. В 2005 году вышли сразу три документальных фильма: первый «Чингисхан» был снят монгольским режиссером Лхагва Эрдэнэбулганом; второй с таким же названием – англичанином Эдвардом Базаллетте; третий «Первый нукер Чингисхана» - бурятскими кинематографистами. В 2006 году китайский режиссер Чжу Вэньцзе снял 30-серийный художественный фильм о Чингисхане.

Дальше фильмы о монгольском полководце снимались почти друг за другом. В 2007 г. вышел фильм японского режиссера Синитиро Савая «Чингисхан. На край земли и моря». Все роли в нем были исполнены японскими актерами: Т.Соримати, Р.Кикукава, М.Вакамура, К.Мацуяма, Й.Хакамада, Ю.Номура и другими. Фильм был представлен на 29-м Московском Международном кинофестивале.

В это же время к образу Чингисхана обратились и российские кинематографисты. В 2007 году известный режиссер Сергей Бодров выпустил фильм «Монгол», в основу которого легла биография основателя монгольского государства. Фильм собрал интернациональную команду актеров, от японца Таданобу Асано в роли Чингисхана и китайца Сун Хон Лей, сыгравшего Джамуху, до актера московского театра Et Cetera Амаду Мамадакова в роли главного соперника Чингисхана Таргутая и студентки-журналистки из Монголии Хулан Чулуун в роли любимой жены Великого хана. Этот фильм разрушил все прежние стереотипы о монгольском тиране: его фигура, зловещая для Запада, в восточном сознании остается подобием Солнца; он предстает воплощением витальности и успешности, тем ключевым для человечества титаном, без которого вообще не было бы современной истории - она шла бы по иным рельсам.

Другую версию о жизни «главного монгола в мире» предложил якутский режиссер Андрей Борисов, который по совместительству является также министром Республики Саха Якутия. Его фильм «По велению Чингисхана» был снят по роману народного писателя Якутии Николая Лугинова. Этот проект также был международным, в нем приняли участие кинематографисты из России, США, Монголии и Китая. Интернациональным был и актерский состав. Речь актеров звучит на

девяти языках мира. Главную роль сыграли сразу три актера. Тувинцы Аян Успун и Эдуард Ондар воплотились в Чингисхана в детстве и зрелости, якут Сергей Егоров исполнил героя в юности. Кроме них, в фильме заняты россиянин Олег Тактаров, голливудский актер японского происхождения Кэри Хираюки Тагава, монгол Оргил Махаан, китаец Ту Мэн, немец Гернот Гримм, а также актеры из Бурятии, Хакасии, Башкортостана и других азиатских регионов. Автором саундтрека к фильму выступил лидер известной тувинской группы "Ят-Ха" Альберт Кувезин (см сайт www.tuvaonline.ru).

В 2008 году российско-казахские кинематографисты во главе с режиссером Александром Муратовым сняли новый фильм по роману классика киргизской и российской литературы Чингиза Айтматова «Белое облако Чингисхана». Таким образом, образ «великого монгола» оказался востребованным как никогда.

Активизации промонгольских настроений способствовали также последние результаты исследований московского биолога-генетика, член-корреспондента РАН Ильи Захарова. Более 10 лет учёный искал чингизидов - потомков Чингисхана по всему миру. Исследования учёного выявили особый вид мужской Y-хромосомы, присущий с большей долей вероятности великому монгольскому вождю. Изучив генный материал свыше 1,5 тысяч российских мужчин разных национальностей, Захаров обнаружил 20 родственников полководца среди бурят, алтайцев, калмыков, алтайских казахов и тувинцев. В селе Морен Эрзинского кожууна Республики Тува Захаров обнаружил целую семью родственников Чингисхана. Официальные свидетельства о том, что они являются потомками великого монгола, учёный пока выдал только двум членам семьи, у которых брал генный материал для анализа ДНК. Это братья Радж и Герман Дангыт. 27-летний младший Радж внешне оказался очень похожим на Чингисхана как изображают его на портретах, он такой же рыжеволосый и светлоглазый. По оценкам Захарова, сейчас во всем мире живёт около 16 млн. предполагаемых потомков Чингисхана (данные получены из личной беседы с ученым – М.М). Как считают тувинцы, так плодотворно «наследить» мог только гигант с мощным генотипом, хилой особи это не под силу.

Монгольская тематика находит воплощение и в вполне прозаических вещах. В настоящее время на заводе по изготовлению алкогольных напитков в Кызыле производится фирменная водка под названием «Субудай», а в цехе по изготовлению ковровых изделий выпускаются ковры с изображением Чингисхана. Молодые родители стали гораздо чаще давать своим новорожденным детям имена известных монгольских

завоевателей - Чингиса, Субудая, Батыра (монг. Багатур), Монге (монг. Мунхэ), Угедэя и др.

М.Н.Губогло считает, что в подобном «углублении в шахту древности есть рациональное зерно, свой смысл и своя историко-культурная логика». «Интерес и уважение к прошлому, - вторят ему американские коллеги, - свойственны любому народу, чей коллективный прожитый опыт – необходимое условие его существования и дальнейшего развития» (2003:210).

Однако увлечение историей, поиск своих этнических истоков в древности так или иначе ведет к расширению этнической идентичности. На основе этого происходит распределение симпатий по тем или иным народам, эпохам, событиям, героическим личностям, что в свою очередь порождает другую идентичность – это соотнесение себя с Азией, с восточной культурой. Здесь приоритеты тувинцев выглядят следующим образом.

Восторженное отношение испытывают тувинцы к Японии, потому что это наиболее развитая в экономическом отношении страна, жители которой по антропологическому типу, как и тувинцы, относятся к монголоидной расе. Япония для тувинцев, несомненно, одна из самых экзотичных и загадочных стран. Ее уникальная культура, непривычно звучащий японский язык со сложной иероглифической письменностью, своеобразные этикетные нормы и стиль поведения японцев делают страну бесконечно далекой, непонятной, закрытой, а потому и невероятно притягательной. Сюда хотят приехать все: обычные обыватели и бизнесмены, артисты и политики, спортсмены и паломники. Каждый из них желает соприкоснуться здесь с тем или иным феноменом японской культуры и образа жизни, который его лично интересует или увлекает.

Япония привлекает и тем, что эстетический фактор является существенным в общей стилистике жизни страны, к тому же пропаганда японских символов в рекламе, в журналах и на календарях, как правило, содержала красочные фотографии японских женщин – в кимоно и купальниках. Это был наиболее распространенный и доступный образец для сравнения, недаром в 1980-е годы изображения японок на календарях украшали многие квартиры в СССР, даже если календари устаревали (Гучинова 2003:126). Для многих тувинских женщин это был образец для подражания. С тех пор именно японки считаются мерилем восточной женской красоты. Если тувинку сравнивают с японкой, это не только комплимент, но и признание факта, что она действительно хороша собой. «Японистая тувинка», - говорят о красивой женщине в Туве.

В 1970-80-х годах самой известной японкой в Союзе была актриса

Комаки Курихара. Она снялась в главных ролях в двух советско-японских фильмах «Москва, любовь моя» Александра Митты и «Мелодии белой ночи» Сергея Соловьева. Своим появлением на советском экране, она лишь укрепила идеал японской красавицы, на которую хотели быть похожи все азиатские девушки бывшего Советского Союза.

О том, на что мог пойти человек, страстно увлеченный Японией, свидетельствует история Аяна Оюна. В начале 1990-х, когда ему было восемнадцать лет, он умудрился без паспорта, визы и денег совершить путешествие из Тувы в Японию. Это был беспрецедентный случай, о котором писали многие российские газеты. Оказавшись в аэропорту Токио, молодой человек был доставлен в полицейский участок как безбилетный пассажир, незаконно пересекший границу иностранного государства. На допросе он чистосердечно признался, что с детства мечтал попасть в Японию, и наконец, решил осуществить заветную мечту. Юный возраст нарушителя, его непосредственность и влюбленность в Страну восходящего солнца подкупили японские власти, и они решили за свой счет отправить парня на родину, предварительно взяв с него обещание, что в следующий раз он придет в Японию «на законных основаниях». Так и случилось. Аян Оюн вскоре вернулся в Японию, поселился в Киото и начал изучать японский язык. В стране заветной мечты он прожил несколько лет. Сейчас «японский тувинец» живет в Кызыле, пытается найти себя в тувинской среде. Сделать это после приобретенного японского опыта оказалось не так просто. Тем не менее, поступок Аяна Оюна многими тувинцами оценивается как весьма неординарный; о нем до сих пор помнят, хотя и прошло много времени.

Индия – вторая восточная страна, которой отдают свои предпочтения тувинцы. В 1970-80-е годы образ Индии ассоциировался исключительно с индийскими фильмами, которые всегда демонстрировались при полных залах. Кинотеатры и клубы обычно показывали их в конце месяца или квартала, чтобы выполнить план по продаже билетов. Индийское кино – явление весьма специфическое в мировом кинематографе, его невозможно перепутать ни с каким другим, оно всегда красочно, насыщено музыкой и танцами, а сюжет его захватывает, хотя порою бывает наивным. Однако это не мешало ему завоевывать зрительский успех у самых разных слоев общества. Песни из индийских фильмов исполнялись тувинскими музыкальными ансамблями и заучивались наизусть обычными людьми, именами героев родители называли своих детей.

В последнее время популярность Индии возросла в связи с возрождением буддизма в Туве. Эту страну регулярно посещают паломники, в том числе тувинские. Небольшой город Дхарамсала в

Северной Индии, где находится тибетское правительство в изгнании во главе с Далай-ламой ХІУ, стал настоящей Меккой для российских буддистов. Число тувинских юношей и девушек, отправляющихся туда в поисках духовности, увеличивается из года в год.

Культурные контакты между Тувой и Индией развиваются благодаря не только тибетским монахам, но и индийским учителям. Если тибетцы заняты распространением буддизма в Туве, то индусы пропагандируют ведические знания и Трансцендентальную медитацию.

Особое отношение тувинцы испытывают к Тибету, стране, которая является колыбелью северного буддизма и родиной высшего духовного авторитета всех буддистов Далай-ламы ХІУ. Сегодня портреты тибетского лидера, плакаты с изображением Поталы в Лхасе, кассеты с тибетской медитативной музыкой, украшения с буддийской символикой тибетского производства, герб и флаг Тибета можно приобрести в специализированных магазинах и киосках Кызыла. Люди с удовольствием смотрят документальные и художественные фильмы о Стране вечных снегов, особенно популярны фильмы «Маленький Будда», «Семь лет в Тибете», «Кундун». Видеокассеты с их записями имеются во многих домах.

Новый исторический дискурс делал акцент на переименовании многих названий, возвращении первоначального, оригинального варианта. Так, активисты «национального возрождения» предложили заменить русифицированное Тува на Тыва, что, по их мнению, больше соответствовало историческим реалиям, а главное, удревняло историю народа. В этом случае значимым было не вхождение Тувы в состав Российской Федерации, а более ранний период истории тувинцев, их причастность к древним цивилизациям Центральной Азии.

Наряду с переименованием Тувы в Тыва началось также обсуждение наиболее дискуссионных вопросов тувинской истории, в частности, законности вступления ТРН в состав СССР. В советской историографии, как известно, данный вопрос характеризовался однозначно: вступление Тувы в состав СССР было «осуществлением сокровенной мечты всех трудящихся ТНР – жить и трудиться совместно с братскими народами СССР» (История Тувы 1964:236). В постсоветский период специалисты разных направлений гуманитарного знания стали пересматривать отношение к узловым проблемам послеоктябрьской истории, в том числе и вопросы решения национальных проблем в бывшем СССР.

Этнополитическая история Тувы активно стимулировала дискуссию о законности вступления республики в состав СССР, которая широко развернулась на страницах средств массовой информации. Например, некоторыми авторами проводились исторические параллели между Тувой

и Прибалтикой: «в результате тайного сговора 23 августа 1939 г. между СССР и Германией три Балтийских государства летом 1940 г. лишились независимости. В годы войны империя Сталина поглотила еще и четвертое государство – Туву, по площади примерно равную Греции, но мир не заметил этого события, произошедшего 11 октября 1944 г.» (Москаленко 2004:160).

Публикациям подобного рода возразила Н.П.Москаленко, считающая, что ТНР как государство могло возникнуть лишь благодаря Советской России. Многие острейшие проблемы развития ТНР в сфере экономики, культуры, здравоохранения, демографии так и не были решены до вхождения республики в состав Советского Союза. Однако это ни коим образом не сбрасывает со счетов общие трагические моменты в истории как ТНР, так и советской Тувы: политические репрессии, гонения на служителей культа, разрушение храмов, не всегда удачная попытка коллективизации аратских хозяйств и др. (2004:161).

Переоценка и переосмысление исторических фактов, возвращение первоначальных названий вызвали некоторые трудности. Например, возник вопрос, как записывать тувинцев в документах, где есть графа «национальность» - тувинцами или тывинцами? И на каком языке считать их говорящими – тувинском или тывынском? Как назвать сам язык – тувинский или тыва язык? Многие лингвисты, филологи-языковеды оказались в замешательстве. После долгих споров было решено сохранить названия Тува и Тыва как равнозначные, что позже было закреплено в Конституции РТ. Теперь в печатных изданиях можно встретить разное написание – тувинский-тывынский, Тува-Тыва.

Среди различных форм взаимосвязей этнической идентичности особое место занимают гражданская идентичность и разнообразные формы привязанности человека к среде обитания, в том числе к большой и малой Родине. Для тувинцев характерно восприятие Тувы как малой родины и России - как большой. Следовательно, они осознают себя не только тувинцами, но и россиянами, что уже является отражением их гражданской идентичности.

Когда тувинцы вошли в состав Российской Федерации и стали гражданами СССР, их вполне удовлетворял этот уровень государственности. «Потеряв в своем политическом статусе, - пишет об этом периоде З.В.Анайбан, - Тува многое приобрела в развитии социально-экономической сферы. После вхождения в состав Союза ССР во вновь образованной автономной области начался резкий подъем народного хозяйства. За относительно короткий срок (менее двух десятков лет) Тува по основным среднедушевым и валовым показателям вплотную

приблизилась к другим советским автономиям, в том числе и автономным республикам» (1996:28). Объективным отражением дальнейшего прогресса стало преобразование в 1961 г. Тувинской автономной области в Тувинскую автономную республику, что существенно расширило права республики в решении внутренних вопросов, а также укрепило ее представительство в союзных и российских законодательных органах.

В 1990 г., незадолго до распада Союза ССР, Тува в числе первых среди автономных республик Российской Федерации приняла Декларацию о государственном суверенитете. Одним из ключевых моментов этого документа стало объявление о смене существовавшего государственно-правового статуса и переход к статусу суверенного государства - субъекта Союза ССР и РСФСР. Конституция Тувы, принятая в 1993 г., окончательно закрепила декларированное положение и в настоящее время Тува «суверенное демократическое государство в составе Российской Федерации». Однако при этом перспектива изменений в государственно-правовом статусе республики не закрыта, т.к. Конституция РТ в принципе допускает изменение конституционно-правового статуса республики, для чего потребуется соответствующее волеизъявление двух третей граждан республики, обладающих избирательным правом (там же:28-29). Однако, приняв Декларацию о суверенитете и создав Республику Тыва со своим гимном, гербом и флагом, тувинцы лишь укрепили свою гражданскую идентичность.

Государственные символы современной Тувы выглядят следующим образом. На голубом фоне герба изображен желтый всадник в национальной одежде, скачущий на коне навстречу лучам восходящего солнца; в основании герба, на традиционной ленте – кадаке – надпись *Тыва*; в пятилепестковом обрамлении герба чередуются полосы желтого, белого и красного цвета. Для сравнения заметим, на гербе советского периода всадник мчался не на восток, а на запад, что объяснялось причинами идеологического характера: на востоке расположена империалистическая Япония, с которой Тува не могла иметь ничего общего, потому взор всадника направлен на запад, в сторону великой России.

Флаг Тувы выполнен в виде голубого прямоугольного полотнища. Со стороны древка из верхнего и нижнего углов идут белые полосы с голубыми линиями посредине, которые соединяются в одну. Образовавшийся в левом углу флага треугольник – желтого цвета; сверху и снизу – горизонтальные белые полосы. На флаге символично изображено слияние рек Бий-Хема и Каа-Хема, дающих начало Енисею – Улуг-Хему (Москаленко 2004:199). Цветовая символика несет следующую смысловую

нагрузку. Желтый цвет – одновременно символизирует солнце и «желтую веру», т.е. буддизм; голубой – небо; белый – чистоту.

Наряду с этим следует заметить, что тувинцы приписывают себе несколько отличительных особенностей, которые, как им кажется, заметно выделяют их из числа народов, живущих в данном регионе. Первое – они самыми последними вошли в состав Российской Федерации, чем отличаются от всех остальных. Другой, не менее распространенный повод для гордости, – это то, что до присоединения к «русскому поезду» тувинцы имели свое самостоятельное государство – Тувинскую Народную Республику. Многие ли могут сравниться с тувинцами в этом?

Второе – они сохранили свои исконно тувинские фамилии, не последовали примеру других народов, тех же близких им по религии бурят и калмыков, которые придали своим фамилиям русские окончания – Доржиев (тув. Доржу), Дашиев (тув. Дажы), Гомбоев (тув. Комбу), Эрдынеев (тув. Эртине), Очиров (тув. Очур), Жаргалов (тув. Чыргал), Намсараев (тув. Намзырай) и т.д.

Третье – тувинцы не только сохранили, но и приумножили такое явление своей музыкальной культуры, как горловое пение - *хоомей*. По признанию специалистов, *хоомей* сегодня вышел за пределы региона и стал культурным достоянием всего мира и человечества (Ренстрем 1994:72), а мастерство тувинских исполнителей этого жанра трудно превзойти. Здесь уместно вспомнить замечание Н.П.Москаленко: «Горловое пение (*хоомей*), встречавшееся лишь в отдельных кожуунах Тувы и мало известное за пределами республики, ныне получило неслыханное ранее развитие, став предметом особой национальной гордости тувинцев и специального, профессионального обучения. *Хоомей* стал объектом покровительства и изучения не только со стороны тувинского государства, но и со стороны ЮНЕСКО» (2004:208). Об интересе к нему как к объекту научного изучения свидетельствуют многочисленные работы не только российских, но и зарубежных авторов (Gunji 1980; Quang Hai, Guillou 1980; Alekseev, Kirgiz, Levin 1990; Levin, Edgerton 1999; Levin, Suzukei 2006; Tongeren 2002; Grawunder 2009).

В настоящее время горловое пение является популярным брендом Тувы. Из всех представителей тувинского искусства именно «горловики» сегодня наиболее востребованы; они регулярно выезжают в разные страны с гастролями, принимают участие в международных музыкальных конкурсах и фестивалях. *Хоомей* также часто используется в качестве музыкальных треков как в российских, так и в зарубежных фильмах. Некоторые западные и американские музыкальные ансамбли включают в свой репертуар так называемую этномузыку, в том числе и тувинский

хоомей.

Четвертое – тувинцы всегда оставались обособленными, отделенными от остального мира. На это обстоятельство указывал еще Д.Каррутерс в начале XX в.: «Странное ощущение испытали мы, натолкнувшись внезапно на этот своеобразный и интересный народец, живущий отсталой самобытной жизнью, в глубинах такой уединенной части света. Необходимо отметить, что урянхайцы представляют из себя совершенно особый народец, ограниченный в своем распространении пределами этого удаленного бассейна, который представляется таким труднодоступным и таким отрезанным от остального мира, что большое сходство этого народа с другими расами не только не показалось бы странным, но даже и невероятным» (1914:131).

Положение с тех пор мало изменилось. Тува и сегодня остается отдаленным уголком, добраться до которого не только не просто, но и дорого. Лететь из Москвы в Париж или Лондон оказывается значительно дешевле, чем в Кызыл. Такая удаленность Тувы от Центра и ее труднодоступность заставляет тувинцев использовать своеобразную «формулу барьера» - «за Саянами». Они ездят «за Саяны», чтобы получить образование, купить там что-то новое, увидеть других, отличных от себя людей. И соответственно возвращаются домой «из-за Саян» (см. «Центр Азии» от 13-19 августа 2004).

План проложить железную дорогу в Туве, который уже начал осуществляться на федеральном и местном уровнях, не очень привлекает тувинцев, привыкших веками чувствовать себя изолированными от остального мира и, следовательно, защищенными от влияния иноокружения. Однако у этой медали есть и обратная сторона.

Географическая обособленность Тувы, ее оторванность от большого мира, толкает многих тувинцев, особенно молодых и энергичных, к тому, чтобы покинуть пределы этого замкнутого пространства. Они выезжают из республики не только с целью получить образование, но и попытаться найти себя в другом, отличном от тувинского, мире. Многие из них приехав в Москву, остаются здесь навсегда. Они предпочитают быть «ником в столице, чем кем-то в Туве». Их главная цель – получить образование, стать самостоятельными, устроиться на хорошо оплачиваемую работу, решить жилищную проблему. Достигать желаемых результатов им помогают, с одной стороны, личные качества, такие, как настойчивость, упорство, работоспособность, которые в этнической среде хотя и почитаются, но не встречаются часто, а с другой - свободное владение русским языком.

Русский язык сегодня является родным языком не только для

этнических русских, но и для миллионов граждан других национальностей, ибо по всем мировым стандартам родной язык – это материнский или первый выученный в детстве язык. Кроме того, русский язык относится к немногим мировым языкам, наряду с английским, испанским, французским и арабским. На нем функционирует одна из крупнейших мировых культурных цивилизаций (Тишков 2001:218). Таким образом, он является культурной собственностью и капиталом тех тувинцев, которые поставили перед собой цель расширить горизонты жизненного пространства. Знание русского способствует восприятию более широких мировых культурных ценностей и широкому взаимодействию в международном масштабе.

За последние годы заметно вырос интерес к английскому языку, возможности которого значительно шире, чем у какого-либо другого языка в мире. Успешно овладевают им, как правило, дети из элитных семей, которые связывают свое будущее с учебой или работой на Западе или в Америке. Если раньше лишь единицы из тувинцев жили и работали за границей, то сейчас это встречается намного чаще.

Интересно отметить, что для тувинцев, живущих за пределами республики, характерен высокий уровень притязаний. Как правило, это люди, получившие образование в центральных вузах страны, имевшие опыт общения с иностранцами и выезжавшие хотя бы 2-3 раза за рубеж. Они сравнивают уровень жизни в Туве с более развитыми регионами, а также с регионами иных этнических культур, и приходят к неутешительному выводу: жить и работать в Туве им не интересно, приобретенный вдали от родных опыт будет сильно выделять их из общей массы. Перспектива быть «чужим среди своих» для них малопривлекательна, гораздо предпочтительнее стать «своим среди чужих». Однако при этом тувинская идентичность ими ни в коей мере не утрачивается.

Другим отличительным признаком нового времени стало восстановление исторической справедливости, выразившееся в посмертной реабилитации многих репрессированных в прошлом фигур. Были реабилитированы имена руководителей Тувинской Народной Республики – Монгуша Буяна-Бадырды, Сата Чурмит-Дажы, Куулара Дондука и многих других.

Одновременно появляются новые имена современников, которыми гордится народ. Если в советское время ими были народный артист СССР Максим Музук, сыгравший главную роль в фильме знаменитого японского режиссера Акиры Куросова «Дерсу Узала», получившего в 1976 г. «Оскар» -высшую премию американской киноакадемии; народный артист Владимир Оскал-оол, основатель тувинской цирковой династии в Москве; художница Надя Рушева, к сожалению, очень рано ушедшая из

жизни, но графические работы которой экспонируются в самых престижных галереях мира; Надежда Красная, одна из лучших исполнительниц тувинских песен и русских романсов в Большом театре, то в постсоветский период широкую известность получили Сергей Шойгу, министр по чрезвычайным ситуациям Российской Федерации; Монгуш Кенин-Лопсан, крупный исследователь тувинского шаманизма, которому Гильдия университетов США и Латинской Америки присвоила почетный международный титул «Живое сокровище шаманизма» за выдающийся вклад в сохранение традиционной тувинской культуры; певица Саинхо Намчылак, сделавшая себе международную карьеру как исполнительница в стилях world music и free jazz singer; спортсмены международного уровня Аяс Монгуш (чемпион Европы по японской борьбе сумо), Елена Достай (чемпионка мира по стрельбе из лука), Лариса Ооржак (двукратная чемпионка Европы по женской борьбе и участница Олимпийских игр 2004 года), монгольский писатель тувинского происхождения Чинагийн Галсан, лауреат Премий Адельберга фон Шамисо (1992) и Хаймито фон Додерера (2001) – высших наград Германии в области литературы, автор стихов и романов, переведенных на английский, французский, итальянский, нидерландский, японский языки.

Не все из перечисленных лиц являются стопроцентными тувинцами по происхождению, поскольку родились от отца-тувинца и матери нетувинки (Надежда Красная, Сергей Шойгу) или наоборот (Надя Рушева), но тувинцы тем не менее называют их «своими».

Известно, что у некоторых восточных народов дети, рожденные родителями разных национальностей, не воспринимаются в этнической среде как полноценные. Например, в Монголии тех, кто наполовину монгол, а наполовину русский или китаец, называют уничижительным словом «хурлиц-эрлиц», несущим в себе коннотации инакости, нечистоты, опасности (Гучинова 2003:33). Этимологически это слово обозначает что-то вроде гермафродита, а также помесь домашней собаки или кота с дикой (Bulag 1998:137-140). Подобное неприятие полукровок существует и в Японии, таких людей маркируют как «ни то, ни се», и «полноценные» японцы относятся к ним с предубеждением и дискриминацией (Ohnuki, Tierney 1987:147-148).

Однако в тувинском обществе к полукровкам – *хайнактарам* отношение всегда было спокойным, скорее даже положительным. То же самое отмечает Э.Б.Гучинова у калмыков и связывает это с тем, что в республике не сложился постколониальный дискурс, который можно обнаружить в общественном сознании и монголов, и японцев (2003:33). Это замечание, на наш взгляд, применимо и по отношению к тувинцам.

Более того, дети от смешанных браков тувинцев с нетувинцами, точнее с представителями немонголоидной расы, считаются не только красивыми, но и умными. Поэтому, если о человеке говорят, что он «хайнак», под этим подразумевается не только внешняя привлекательность, которая превосходит привлекательность монголоида и европеоида по отдельности, но и острый, смекалистый ум. О полукровке, сделавшем себе блестящую карьеру и таким образом выделившемся из общей массы, принято говорить: «Достиг всего, потому что хайнак, у него все намешано». О тувинце в этой же ситуации скажут: «У него (нее) есть голова на плечах».

Все вышесказанное лишь подтверждает распространенный в кругах российских и западных этнологов тезис о том, что отказ от крупномасштабной концепции «советского народа как новой исторической общности людей» и от менее фундаментальной парадигмы «советского человека» неизбежно ведет к смятению душ и «пожару в умах», способствуя тем самым появлению и активизации новых форм идентичности.

5. Тофалары и сойоты: судьба отколовшихся частей этноса

Известно, что в контактной зоне проживания двух и более этносов в процессе длительных постоянных контактов создаются смешанные переходные группы, которые в какое-то время трудно отнести к тому или иному этносу. В конечном результате они могут составить новую самостоятельную этническую единицу или все-таки влиться в состав одного из исходных этносов. Примером тому служат тофалары и сойоты – немногочисленные группы, первоначально принадлежавшие к тувинскому этносу, но сегодня выступающие в качестве самостоятельных этнических образований. Роль их в функционировании тувинского этноса как целостной системы полностью утрачена, но изучение их в контексте этногенеза и этнической истории тувинцев весьма актуально.

Тофалары и сойоты привлекали внимание исследователей не в одинаковой степени. Наиболее удачно складывалось изучение тофаларов, о чем свидетельствуют серьезные научные публикации, в том числе ряд монографий, посвященных различным аспектам их истории, языка и культуры (Dioszegi 1968; Рассадин 1971, 1978, 1982, 2000, 2000а; Мельникова 1994; Тюркские народы 2008:262-333). Неоспоримым достоинством этих работ является то, что они основаны на богатом полевом этнографическом материале – уникальном источнике по народной культуре любого этноса, позволяющем расширить и углубить проблематику исследований.